

УДК 930.1+322

DOI: 10.34670/AR.2021.65.73.015

Феномен мемориального пространства города: основные подходы к изучению

Вальдман Игорь Александрович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры политических наук и технологий,
Сибирский институт управления (филиал),
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
630102, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Нижегородская, 106;
e-mail: veritasnostra@mail.ru

Красильникова Екатерина Ивановна

доктор исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
Тобольская комплексная научная станция,
Уральское отделение Российской академии наук,
626152, Российская Федерация, Тобольск, ул. Академика Юрия Осипова, 15;
e-mail: katrina97@yandex.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Новосибирской области в рамках научного проекта р-а 19-49-540003 «Мемориальное пространство городов Новосибирской области в исторической динамике» («Memorial space of cities of the Novosibirsk region in historical dynamics»).

Аннотация

Статья посвящена характеристике основных подходов к изучению мемориального пространства города в рамках различных социальных наук. Представлен критический социально-философский анализ опыта исследований городского мемориального пространства специалистами по проблемам историко-культурного наследия, музейного дела, культурных ландшафтов, образной географии. Рассматривается вклад архитекторов и градостроителей в осмысление сущности мемориального пространства. Раскрывается опыт обращения к проблемам мемориального пространства в рамках культурно-антропологического подхода. Приводятся наиболее яркие примеры исследований в рамках междисциплинарного проблемного поля Memory Studies. Выявляется отсутствие четкой разработки категории мемориального пространства в современной гуманитаристике. Делается вывод о необходимости разработки специальной научной методологии, которая позволит исследовать динамику мемориального пространства города, как системы. Предлагается использование в качестве основы такой методологии познавательных возможностей социокультурного, социально-деятельностного и социально-конструктивистского подходов при понимании общества как системы социальной деятельности, разновидностью которой является коммеморативная деятельность, пространственно локализованная и воплощенная в мемориальном пространстве.

Для цитирования в научных исследованиях

Вальдман И.А., Красильникова Е.И. Феномен мемориального пространства города: основные подходы к изучению // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 3А. С. 137-146. DOI: 10.34670/AR.2021.65.73.015

Ключевые слова

Мемориальное пространство, место памяти, коммеморативная деятельность, социальная онтология, методология.

Введение

Стремительное изменение обществ в последние несколько десятилетий и усиление разнообразных транснациональных, транскультурных и межкультурных связей и зависимостей самым существенным образом проблематизирует сохранение и развитие отдельных социумов как качественно специфических сообществ. Сохранение собственной социальной идентичности для таких сообществ становится не столько самоочевидным фактом их жизни, но сферой достаточно высокой неопределенности и предметом культурно-политической борьбы и столкновения конкурирующих программно-рефлексивных парадигм. Рефлексия собственной социокультурной тождественности осуществляется с опорой на утверждение определенных идеологически значимых характеристик и притязаний социума как результата его исторического развития, нуждающегося в актуально наглядном, «визуальном» подтверждении в окружающей реальности достоверности данной интерпретации прошлых событий в качестве источника и легитимации коррелирующей с ними современности. Такое наглядное воплощение память о прошлом находит в специфическом мемориальном пространстве основных локусов обитания социума, обеспечивающем воспроизводство необходимых культурно-дифференцирующих смыслов в символическом универсуме социума посредством осуществление значимых видов социальной деятельности в рамках специфически семантизированной пространственной инфраструктуры.

Понятие «мемориальное пространство» нередко используется в рамках различных дискурсов, связанных с обсуждением и изучением вопросов исторической памяти и мемориальной культуры. Однако оно, как и многие другие базовые категории лексикона исследователей социокультурных аспектов памяти, пока не является общепринятым понятием. Его концептуализация представляет собой серьезную научную задачу. Раскрытие веера смыслов, которые вкладываются разными авторами в выражение «мемориальное пространство», а также в смежные с ним понятия, является важным этапом решения этой задачи.

Цель данной статьи состоит в выявлении и критическом анализе основных подходов к изучению феномена мемориального пространства в социальных науках. В рамках задач данной статьи обратимся к опыту исследований в области различных культурологических направлений, а также градостроительных теорий и проблемного поля Memory Studies.

Мемориальное пространство как культурная география

Прежде всего, мемориалы, памятники, памятные места и их системы составляют объект изучения специалистов в области *музейного дела и охраны историко-культурного наследия*. Историко-культурное наследие определяется максимально широко, как часть материальной и

духовной культуры, созданная прошлыми поколениями, выдержавшая испытание временем и передаваемая потомкам как нечто ценное и почитаемое [Кравченко, 2000, 282]. Одну из важнейших ролей в определении ценности артефактов и включении их в сферу наследия играют «хранители старины» – музеи. Выделяется специфическое направление музейной деятельности – музеефикация. Она заключается в преобразовании историко-культурных или природных объектов в музейные объекты с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной и художественной ценности [Каулен, 2012, 397]. Критерии определения ценности артефакта обычно субъективны, зависимы от идеологии, научной школы, культурной традиции и прочих обстоятельств. На невозможность выработки объективных критериев для памятника обратил внимание еще в нач. XX в. австрийский искусствовед А. Ригль [Ригль, 2018, 14–15]. На множестве примеров музееведы показывают то, как со временем меняется наполнение музейного пространства. Однако для понимания сущности и механизмов развития мемориального пространства города взгляд на памятники сквозь призму концепций музейного пространства представляется узким.

Процессы музеефикации охватывают далеко не все памятники и памятные места, существующие в городском пространстве. Попытки их обобщения связаны с разработками *концепций культурного ландшафта, формирование которых происходило с нач. XX в.* (Л.С. Берг, К. Зауэр) *на стыке географии и гуманитарного знания* [Шишкина, 2011]. Эти концепции отразили понимание неразрывной взаимосвязи между развитием культуры того или иного общества и территорией, где это происходит. *Ландшафт как вместительность знаковой системы, составляющей «ткань культуры», был осмыслен в рамках символического подхода к пониманию культуры, что нашло отражение в классических работах К. Леви-Строса, Ф. Боаса и Л. Уайта* [Леви-Строс, 2008; Боас, 2010; Уайт, 2004]. Англо-американская культурная антропология включает в себя органичной частью и *культургеографию*, ориентированную на прочтение и интерпретацию ландшафтов как реализующих определенный доминирующий смысл конфигураций их символически значимых элементов, проявляющих в себе властные или гендерные отношения, а также соотношение сакрального и профанного. В рамках подхода признается то или иное соотношение ландшафта с социальностью и формированием ее идентичности, в рамках чего ландшафт интерпретируется как проекция на определенное пространство значимого в данном социуме локального мифа.

Со своей стороны, *географы, в частности Э. Соја (Soja)*, обратили внимание гуманитариев, прежде всего историков, на необходимость восприятия пространства как гетерогенного, в котором, в отличие от времени, возможно, одновременное сосуществование следов и результатов того, что не может сосуществовать в одном и том же времени в общей локации [Soja, 1989]. *Современная гуманитарная география* рассматривает ландшафт как среду формирования и развития культуры. Из многообразия подходов и направлений гуманитарной географии наиболее полезным в контексте нашего исследования является *культурологический подход и направление, разрабатываемое такими авторами, как В.Л. Каганский («ландшафтная герменевтика культуры»)* [Каганский, 1997] и *Д.Н. Замятин («гуманитарная география», «образная география»)* [Замятин, 2008]. В рамках данного подхода В.Л. Каганским культурный ландшафт определяется как земное пространство, жизненная среда довольно большой группы людей, если это пространство одновременно цельно и дифференцировано, освоено утилитарно, семантически и символически. В этом смысле мемориальное пространство – это часть культурного пространства, которому присущи указанные общие характеристики. Данный подход так же склонен оперировать понятиями «культурного ландшафта» и «образа

территории» для обозначения пространства. Д.Н. Замятин трактует «географический образ» как своего рода общую идею, систему взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов. Ориентация Д.Н. Замятина на исследование образов территории для их возможного конструирования и использования в целях создания региональных брендов предполагает поиск территориальной специфичности в локальном «историческом наследии». Поиск средств концептуализации понимания наследия заставляет автора обратить внимание на включенность этого феномена в более общие упорядочивающие структуры, описываемые категориями «онтологии» и «культурной памяти». Отдельно обратим внимание на согласие Замятина с пониманием наследия как некоего защитного слоя культуры, на основе чего автор упоминает о «консерватизме наследия», становящимся иногда «господствующей онтологической характеристикой определенной культуры в целом». Вслед за М. Хальбваксом и Я. Ассманом автор обращается к культурной памяти, которая имеет собственные механизмы воспроизводства «как сакрального, так и профанного происхождения», которые, однако, как и специфика включения в социальную онтологию, в целом, далее автором специально не исследуются, не дифференцируются и, скорее, утверждается, что в рамках «образа наследия» сакральное и профанное сближаются. Добавляющаяся к вышеуказанным концептам категория «символического капитала» не столько проясняет механизмы включенности наследия в систему локального социального воспроизводства и места в ней мемориального пространства, сколько запутывает: «наследие как символический капитал есть постоянно возрастающий, прибавляющийся сам к себе и в себе образ» – характеристика более метафорическая, нежели категориальная. В рамках подхода наследие, его пространственные локализации трактуются достаточно обобщенно, хронологически и идеологически недифференцированно и не связываются с коммеморативной деятельностью. При этом проявляется определенное понимание необходимости теоретической рефлексии включенности их в более общие концептуализации механизмов социальной саморегуляции.

Мемориальное пространство города

Гуманитарная география убедительно демонстрирует взаимовлияние человека и ландшафта, представляющего среду его обитания. Специфичной средой для жизни человека и развития культуры является город. *Ценный вклад в изучение влияния городской среды на человека и культуру внесли архитекторы и градостроители.* В контексте нашего исследования нельзя обойти вниманием средовой подход урбанистики. Один из виднейших его теоретиков К. Линч исследовал специфику городского пространства и явлений, обусловленных пространственной организацией города [Линч, 1982]. Его российские последователи А.В. Иконников [Иконников, 1985], О.Е. Трущенко [Трущенко, 1995], В.Л. Глазычев [Глазычев, 1995] использовали термин «городская среда» для обозначения особого уровня развития города, для которого свойственны не просто организация физических объектов, но существование духовной компоненты, под которой понимается городская культура. Данное направление объединяет градостроительные, психологические и, социологические разработки в изучении городов. Большое внимание в рамках этого направления уделяется субъективному восприятию городской среды человеком при условии ее постоянной изменчивости.

На эту же особенность городского пространства (среды) обратил внимание и *классик отечественной культурологии Ю.М. Лотман*, по словам которого, «город постоянно не равен сам себе» [Лотман, 2010, 682]. Это же свойство, несомненно, присуще и мемориальному

пространству, как части городской среды. *В рамках подхода, который мы можем условно назвать культурно-антропологическим (Р. и Х. Линд, Р. Редфилд, У. Уорнер)* город выступает как многоаспектное явление, как сложный биосоциальный организм, а также в качестве субъекта, обладающего неповторимыми психическими свойствами. Культурная антропология имеет дело чаще всего не с индивидуальной идентичностью, но с ее культурной формой, которая связана с коллективными представлениями, коллективными образами групп и отождествлением индивида с группой. Пространство культуры заведомо неоднородно, поскольку различные «участки» этого пространства по-разному «нагружены» в семиотическом и аксиологическом смысле; «структурно-функциональная неоднородность» составляет суть пространства человеческой жизни. Так, например, К. Эллард выделяет в городском пространстве «места любви» (дома как пространства проживания), «места страсти» (парки аттракционы, музеи, казино, торговые центры), «места скуки» (функциональная застройка), «места тревоги» (участки массового скопления людей) и «места благоговения» (сакральные и мемориальные сооружения). Каждое из этих «мест» связано с определённым типом человеческого опыта и поэтому формирует пространство определённой конфигурации [Эллард, 2019]. По словам С.С. Аванесова, различные пространства, в свою очередь, продуцируют различные типы внутреннего состояния и разные стили поведения человека. С.С. Аванесов отмечает, что визуальная организация городского пространства, с одной стороны, фиксирует культурные смыслы, ценности, мифы и приоритеты; с другой стороны, она продуцирует определённые эмоции, организует конкретное целеполагание, влияет на жизненную стратегию человека и его повседневную активность, предписывает человеку нормы и ориентиры. В частности, он выделяет аксиологию городских пространств с такими ценностями, как: 1) социальной памяти, 2) национальных традиций, 3) культурной истории, 4) гражданской идентичности, 5) личной жизни, 6) конструктивного развития. Эти ценности, по мнению С.С. Аванесова, способны объединять как простых горожан, так и работников городских администраций в их деятельности по визуальному конструированию городского пространства. Так же он приходит к выводу о том, что восприятие города может происходить по трём «парадигмам»: а) воспринимается только настоящее, как оно «есть», как оно видится с точки зрения заезжего равнодушного туриста; б) воспринимается настоящее, включающее прошлое, благодаря чему город переживается не как плоский наглядный факт, а как итог исторической динамики, как результат тех процессов, которые создали его «глубину», читаемую под «поверхностью»; в) воспринимается настоящее, включающее прошлое и будущее, что позволяет видеть город не только в его истории, но и в его «выступании вперёд себя» в его продолжительности. Таким образом, становится ясно, что городское пространство, переживаемое как антропологический, а не физический феномен, представляет собой визуально структурированную сферу человеческих коммуникативных практик [Аванесов, 2018, 17].

Как именно общество «читает» город через его прошлое? Этот сложный процесс раскрывают работы исследователей коллективной и исторической памяти. Еще в начале 1920-х гг. известные основатели советского краеведения Н.П. Анциферов и И.М. Гревс, использовавшие метафорическое выражение «душа города», предложили понимание города как знакового пространства, которое можно интерпретировать, раскрывая связь городской среды и коллективной памяти, истории и современности [Колокольчикова, 2014]. Однако по политическим причинам это направление не получило дальнейшего непрерывного развития в отечественной науке.

Мемориальное пространство в концепциях культурной памяти

В европейской науке всплеск интереса к проблемам коллективной памяти и ее пространственным воплощениям пришелся на конец 1980-х – 1990-е гг. Во многом это было связано с ростом популярности концепции «мест памяти» П. Нора, положившего начало систематическому изучению роли памяти в организации культурного пространства [Франция – память, 1999]. «Места памяти» П. Нора не являются местами в географическом или туристическом смысле. Скорее, это – материальные места, превратившиеся в культурные символы. Места памяти неизбежно отражают напластования смыслов, которые им придают разные поколения и социальные группы. Смыслы могут быть противоречивыми и взаимоисключающими. Это связано с тем, что различные сообщества используют места памяти для конструирования собственной идентичности и самоопределения. Последователи П. Нора исследовали множество примеров исторической динамики смыслов отдельных мест памяти. Однако до сих пор редки исследования, в центре внимания которых находится мемориальное пространство целого города или региона, как сформированного разными поколениями жителей города, напластования систем памятных мест, многие из которых обретают для локального сообщества значение мест памяти.

В контексте нашего исследования представляют интерес работы немецкого автора Ш. Бергера, посвященные проблемам индустриального наследия в «мемориальном ландшафте» индустриальных городов Рура [ConstructingIndustrialPasts, 2019; Berger, 2017]. Бергер прослеживает связь между выбором подходов к увековечиванию памяти об индустриальном прошлом этого региона и процессами переосмысления его жителями исторической роли индустриального прошлого Рура, его значения для будущего. Ш. Бергер выявляет и характеризует роли различных «агентов памяти» в формировании «мемориального ландшафта», а также связь экономических, политических и культурных предпосылок возникновения дискурсов индустриального наследия и памяти. Особенно им выделяется фактор политической воли, использующей интерпретации прошлого в целях создания образов будущего. Таким образом, Ш. Бергеру удается показать всю сложность превращения остатков прошлого, ценность которых сомнительна для общества, в наследие, которое занимает особое место в культурном ландшафте города и служит одним из оснований формирования локальной идентичности его населения.

Опираясь на исследования мест памяти европейскими историками, А. Ассман – один из ведущих на сегодняшний день теоретиков мемориальной культуры, различает категории места и пространства. «Место» в этом понимании связано с материальным, осязаемым воплощением исторических событий в следах и знаках, «которые уничтожаются или сохраняются, отбрасываются или расшифровываются, помечаются или не помечаются, забываются или запоминаются». «Пространство» же, или территория довольно абстрактно, в основном ориентировано на будущее, на преобразование без сожаления о его прежнем облике. А. Ассман подчеркивает, что одна и та же географическая область может быть названа либо «пространством», либо «местом» в соответствии с намерениями и стратегиями говорящего. Учитывая это принципиальное различие, можно говорить о том, что городское пространство, или территория города насыщена «местами» и целыми системами «мест», сложившимися исторически, в результате деятельности разных субъектов, находящимися между собой в разных отношениях: в прямой, в частичной взаимосвязи, или в разрыве. В рамках одного пространства одни и те же «места» могут иметь значение «мест» для отдельных сообществ, но

могут восприниматься и как некое незначимое пространство [Assmann, 2018]. В контексте такого подхода мемориальным пространством можно назвать ту часть городского пространства, которая имеет для жителей городских жителей значение «мест», связанных с их коллективной памятью.

Лишь эти два примера использования понятий «мемориального ландшафта», памятных «мест» и «пространств» отражают отсутствие сколько-нибудь общей терминологии для обозначения в сущности одних и тех же явлений мемориальной культуры и фрагментарность теоретизации городского (регионального) мемориального пространства.

Заключение

В итоге приходится признать отсутствие четкой разработки категории мемориального пространства в современной гуманитаристике. Изучение мемориального пространства города в исторической динамике требует разработки специальной научной методологии, что позволит перейти от уже пройденного этапа описания отдельно взятых памятников и «мест» к изучению динамики мемориального пространства города, как системы. Как представляется авторам, такая методология должна основываться, прежде всего, на взаимном дополнении познавательных возможностей социокультурного, социально-деятельностного и социально-конструктивистского подходов при понимании общества как системы социальной деятельности, разновидностью которой является коммеморативная деятельность, пространственно локализованная и воплощенная в мемориальном пространстве с его специфическими артефактами и символическими репрезентациями, выполняющим значимую функцию обеспечения внутренней интегрированности социума как на уровне местных сообществ, так и на уровне общегосударственном. [Подробнее см.: Вальдман, Громова, 2019; Красильникова, Вальдман, 2020]

Библиография

1. Аванесов С.С. Городское пространство как антропологический феномен // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. Вып. 2. (16). С.10–31.
2. Боас Ф. Ум первобытного человека. М.: URS, 2010. 153 с.
3. Вальдман И.А., Громова О.А. Концептуальные основания методологии исследования мемориального пространства в исторической динамике // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. № 5А. С. 36–45.
4. Глазычев В. Л., Егоров М. М., Ильина Т. В. и др. Городская среда. Технология развития. Настольная книга. М.: Лада, 1995. 240 с.
5. Замятин Д.Н. Образ наследия в культуре: методологические подходы к изучению понятия «наследие» // Этнографическое обозрение. 2008 № 6. С. 121–130.
6. Иконников А.В. Искусство, среда, время. Эстетическая организация городской среды. М.: Советский художник, 1985. 336 с.
7. Каганский В.Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. №1. С. 134–145.
8. Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия в России. М: Этерна, 2012. 432 с.
9. Колокольчикова Р.С. Теоретико-методологические основы изучения города в трудах И.М. Гревса, Н.П. Анциферова, Н. К Пиксанова // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 6. С. 24–26.
10. Кравченко А.И. Культурологический словарь. М.: Академический проект, 2000. 671 с.
11. Красильникова Е.И., Вальдман И.А. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 1. С. 47–54.
12. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Академический проект, 2008. 554 с.
13. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
14. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб: Искусство-СПБ, 2010. 704 с.

15. Ригль А. Современный культ памятников: его сущности и возникновение. М.: ЦЭМ: V-A-C press, 2018. 96 с.
16. Трущенко О.Е. Престиж Центра: городская социальная сегрегация в Москве. М.: SocioLogos, 1995. 112 с.
17. Уайт Л. Избранное. Наука о культуре. М.: РОСПЭН, 2004. 959 с.
18. Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд. СПбГУ, 1999. 328 с.
19. Шишкина А.А. Культурный ландшафт: основные концепции // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. 2011. №1. С. 151–157.
20. Эллард К. Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. М: Альпина Паблишер, 2019. 288 с.
21. Assmann A. One land and three narratives: Palestinian sites of memory in Israel // Memory Studies. 2018. Vol. 11. № 3. P. 287–300.
22. Berger S., Wicke C. Deindustrialization, Heritage, and Representations // The Public Historian. 2017. Vol. 39. No. 4. P. 10–20.
23. Constructing Industrial Pasts: Heritage, Historical Culture and Identity in Regions Undergoing Structural Economic Transformation. Ed. Stefan Berger. Oxford: Berghahn Books, 2019. 329 p.
24. Soja E. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. London; New York: Verso, 1989. 266 p.

The phenomenon of the memorial space of the city: the main approaches to the study

Igor' A. Val'dman

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Political Science and Technology,
Siberian Institute of Management (branch),
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
630102, 106, Nizhegorodskaya str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: veritasnostra@mail.ru

Ekaterina I. Krasil'nikova

Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor,
Leading Researcher,
Tobolsk Complex Scientific Station,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
626152, 15 Akademika Yuriy Osipov str., Tobolsk, Russian Federation;
e-mail: katrina97@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the characteristics of the main approaches to the study of the memorial space of the city within the framework of various social sciences. The article presents a critical socio-philosophical analysis of the experience of research of the urban memorial space by specialists on the problems of historical and cultural heritage, museum business, cultural landscapes, figurative geography. The contribution of architects and urban planners to the understanding of the essence of the memorial space is considered. The article reveals the experience of addressing the problems of memorial space within the framework of a cultural and anthropological approach. The most striking examples of research within the interdisciplinary problem field of Memory Studies are given. The

lack of a clear development of the category of memorial space in modern humanities is revealed. It is concluded that it is necessary to develop a special scientific methodology that will allow us to study the dynamics of the memorial space of the city as a system. It is proposed to use as the basis of such a methodology the cognitive capabilities of socio-cultural, socio-activity and socio-constructivist approaches in understanding society as a system of social activity, a type of which is commemorative activity, spatially localized and embodied in the memorial space.

For citation

Val'dman I.A., Krasil'nikova E.I. (2021) Fenomen memorial'nogo prostranstva goroda: osnovnye podkhody k izucheniyu [The phenomenon of the memorial space of the city: basic approaches to study]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (3A), pp. 137-146. DOI: 10.34670/AR.2021.65.73.015

Keywords

Memorial space, place of memory, commemorative activity, social ontology, methodology.

References

1. Avanesov S.S. (2018) *Gorodskoe prostranstvo kak antropologicheskij fenomen* [Urban Space as an Anthropological Phenomenon]. *IIPAЭHMA. Problemy vizual'noj semiotiki* [IIPAЭHMA. Problems of Visual Semiotics]. No. 2. (16). Pp.10–31.
2. Boas F. (2010) *Um pervobytnogo cheloveka* [The Mind of Primitive Man]. Moscow: URS. 153 p.
3. Val'dman I.A., Gromova O.A. (2019) *Konceptual'nye osnovaniya metodologii issledovaniya memorial'nogo prostranstva v istoricheskoy dinamike* [Conceptual Foundations of the Methodology for the Study of Memorial Space in Historical Dynamics]. *Kontekst I refleksiya: filosofiya o mire I cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being]. No 5A. Pp. 36–45.
4. Glazychev V. L., Egorov M. M., Il'ina T. V. (1995) *Gorodskaya sreda. Tekhnologiya razvitiya*. [Urban Environment. Development Technology]. Moscow: Lad'ya, 240 p.
5. Zamyatin D.N. (2008) *Obraz naslediya v kul'ture: metodologicheskie podhody k izucheniyu ponyatiya «nasledie»* [The Image of Heritage in Culture: Methodological Approaches to the Study of the Concept of "Heritage".] *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No 6. Pp. 121–130.
6. Ikonnikov A.V. (1985) *Iskusstvo, sreda, vremya. Esteticheskaya organizatsiya gorodskoj sredy* [Art, Environment, Time. Aesthetic Organization of the Urban Environment.] Moscow: Sovetskij hudozhnik. 336 p.
7. Kaganskij V.L. (1997) *Landshaft i kul'tura* [The Landscape and Culture]. *Obshchestvennye nauki I sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No1. Pp. 134–145.
8. Kaulen M.E. (2012) *Muzeefikatsiya istoriko-kul'turnogo naslediya v Rossii*. [Museification of historical and cultural heritage in Russia]. Moscow: Eterna. 432 p.
9. Kolokol'chikova R.S. (2014) *Teoretiko-metodologicheskie osnovy izucheniya goroda v trudah I.M. Grevs, N.P. Anciferova, N. K. Pksanova* [Theoretical and Methodological Foundations of the Study of the City in the Works of I. M. Grevs, N. P. Antsiferov, N. K. Pixanov]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University]. No 6. Pp. 24–26.
10. Kravchenko A.I. (2000) *Kul'turologicheskij slovar'* [Culturology Dictionary]. Moscow: Akademicheskij proekt. 671 p.
11. Krasil'nikova E.I., Val'dman I.A. (2020) *Politika pamyati: istoricheskie simvoly I kommemorativnye praktiki v sisteme social'no-politicheskoy samoregulyatsii Sibirskogo regiona v XX – nachale XXI vv.* [The politics of memory: historical symbols and commemorative practices in the system of socio-political self-regulation of the Siberian region in the XX-early XXI centuries]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. [Bulletin of the Samara University. History, pedagogy, philology]. Vol. 26. No 1. Pp. 47–54.
12. Levi-Stros K. (2008) *Strukturnaya antropologiya*. Structural anthropology. Moscow: Akademicheskij proekt. 554 p.
13. Linch K. (1982) *Obraz goroda* [The image of the city]. Moscow: Strojizdat. 328 p.
14. Lotman YU.M. (2010) *Semiosfera* [Semiosfera]. Sankt-Peterburg: Isskustvo-SPB. 704 p.
15. Rigl' A. (2018) *Sovremennyy kul't pamyatnikov: ego sushchnost' I vozniknovenie* [Modern cult of monuments: its essence and origin]. Moscow.: CEM: V-A-C press. 96 p.
16. Trushchenko O.E. (1995) *Prestizh Centra: gorodskaya social'naya segregatsiya v Moskve* [Prestige of the Center: urban

- social segregation in Moscow.]. Moscow: SocioLogos. 112 p.
17. Uajt L. (2004) *Izbrannoe. Nauka o kul'ture* [Favorites. The science about culture]. Moscow: ROSPEN. 959 p.
 18. *Franciya – pamyat'* [France – memory] (1999). Sankt-Peterburg: SPBGU, 1999. 328 s.
 19. SHishkina A.A. (2011) *Kul'turnyj landshaft: osnovnye koncepcii* [The Cultural Landscape: Basic Concepts]. *Vestnik nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University of Lobachevsky]. No 1. P. 151–157.
 20. Ellard K. (2019) *Sreda obitaniya Kak arhitektura vliyaet na nashe povedenie i samochuvstvie* [Habitat. How architecture affects our behavior and well-being]. Moscow: Al'pina Pablisher. 288 p.
 21. Assmann A. (2018) *One land and three narratives: Palestinian sites of memory in Israel*. *Memory Studies*. Vol. 11. No 3. Pp. 287–300.
 22. Berger S., Wicke C. (2017) *Deindustrialization, Heritage, and Representations*. *The Public Historian*. Vol. 39. No. 4. Pp. 10–20.
 23. *Constructing Industrial Pasts: Heritage, Historical Culture and Identity in Regions Undergoing Structural Economic Transformation* (2019). Ed. Stefan Berger. Oxford: Berghahn Books. 329 p.
 24. Soja E. (1986) *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. London; New York: Verso. 266 p.